

Данила Зайцев

ПОВЕСТЬ И ЖИТИЕ
ДАНИЛЫ ТЕРЕНТЬЕВИЧА
ЗАЙЦЕВА

Москва
2015

УДК 82-312.6
ББК 84(2=411.2)-442.3
3-17

Подготовила к изданию Ольга Ровнова

Зайцев Д.

3-17 Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева / Данила Зайцев. — М.: Альпина нон-фикшн, 2015. — 708 с.

ISBN 978-5-91671-340-4

Автор книги — русский старообрядец-часовенный из Аргентины Данила Терентьевич Зайцев, родившийся в 1959 г. в Китае. Это долгое и увлекательное повествование о жизни старообрядцев, сопоставимое с семейной хроникой-романом, написанное живо, с юмором. Книга — произведение светское, но созданное человеком с религиозным сознанием, которое определяет жизненные сюжеты, отношение к событиям, людям, самому себе. В «Повести...» отражена история многих старообрядческих родов, их бегства из большевистской России в Китай, а из «колхозного» Китая — в Южную Америку в 1959 г. События происходят в Китае, Аргентине, Бразилии, Уругвае, Чили, Боливии, США, России. В центре повествования — жизнь автора и его семьи, с подробным рассказом о неудавшейся попытке переселения в Россию в 2008 г. Д. Зайцев пишет о непростых отношениях в общинах, связанных с внутриконфессиональными разногласиями между «синьзянцами» и «харбинцами», приводящими порой к ссорам, недопониманию и личным трагедиям. Но главное в книге — рассказ о повседневной жизни русских людей, живущих по стародавним заветам, ради соблюдения которых они, как и положено верующим христианам, готовы переносить страдания, терпеть нищету и лишения. И еще: на русском диалектном языке, который во всей своей первозданной силе звучит в книге, и сегодня говорят староверы Южной Америки.

УДК 82-312.6
ББК 84(2=411.2)-442.3

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpina.ru.

© Д. Зайцев, 2015
© Предисловие. Комментарии. Словарь. О. Ровнова, 2015
© Предисловие. П. Алешковский, 2015
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2015

ISBN 978-5-91671-340-4 (рус.)

Содержание

Такое вот житие. <i>Предисловие П. Алешковского</i>	5
Автор, его книга и принципы ее публикации. <i>Предисловие О. Ровновой</i>	13
Тетрадь первая.....	19
Тетрадь вторая.....	91
Тетрадь третья	173
Тетрадь четвёртая.....	267
Тетрадь пятая.....	363
Тетрадь шестая	475
Тетрадь седьмая.....	605
Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и выражений. <i>Составитель О. Ровнова</i>	683

Такое вот житие

Середина ноября 2012-го — в Аргентине поздняя весна, жарко, болит нога, местная колючка пропорола подошву. Колючки тут везде. Мы вышли из машины. Я бреду, прихрамывая, по высокому берегу озера, вверх, едва поспевая за Данилой.

— Увидишь сам, где деревня будет стоять. Красота!

И вот перед нами раскрывается огромное рукотворное озеро. В прошлом году мы ловили тут рыбу, Данилин старший сын Андриан ставил тогда три сетки — наловили три картофельных мешка.

— Вот она — Нуэва Эсперанса! — Данила стоит, как ветхозаветный Моисей, воздев руки. Он взволнован, смотрит вниз на бурую, слежавшуюся землю, поросшую колючим кустарником. — Здесь, на террасе, построим большую деревню. Всем земли хватит, многие собираются приехать.

Нуэва Эсперанса означает Новая Надежда. Он шел к ней всю свою непростую, кочевую жизнь. Вечером у костра Марфа, его жена, скажет: «Я тут посчитала, мы с Данилой пятьдесят один раз кочевали». Скажет просто, но не сдержится, улыбнется, спрячет за улыбкой смущение.

* * *

Как и большинство русских людей, староверы не стесняются показывать эмоции — они легко плачут, растроганные до глубины души, потому что слово, письменное и устное, если речь идет о святынях, принимается и понимается ими традиционно как истинная правда. Рассказ, всегда эмоционально окрашенный, нередко прерывается слезами очищения.

— Вот Красная площадь! Я там был. Идешь, смотришь на всю эту красоту, аж дух захватывает! Мечтал увидеть, так сбылось!

— Данила, ну что такого в Красной площади?

— Попробуй понять. Я рожден в Китае, столь слышал, столь мечтал, и вдруг сподобился увидеть. Для меня это — все, все значит! Как словами передать?

— Так ты и передал.

Данила, всплакнув, улыбается.

— Понял теперь?

— Понял, Данила.

Таких разговоров-мечтаний довелось услышать много. Почти каждый признавался, что мечтает скопить денег, чтобы «лишь одним глазком поглядеть на Россию». Они не видели ее, но думали беспрестанно, не теряли внутренней связи с ней. Зла и гонений не забывали, но пересиливала глубинная тяга к покинутой земле с могилами предков, а что-то — своих предков и родословную настоящий старовер чтит и знает назубок, как Отче наш.

— Вот вы по учебникам учились?

— Конечно.

— И мы учились. По старым, советским. У нас на них Ленин и Сталин были нарисованы и чернилами замараны. Верись, я тогда понятия не имел, кто такие Ленин и Сталин, но точно знал — бесы!

Три поколения, выросшие вне российских пределов, сохранили язык — одну из главных своих святынь. Священные книги, жития святых и Прологи, читаемые в воскресное утро, после службы, Священное Писание и Устав церковный — главный закон жизни для каждого — читаются на родном, русском, точнее — церковнославянском, с него же и начинается обучение. Детей заставляют твердить: «Аз, буки, веди, глаголь, добро».

Первое впечатление от русской деревни в Латинской Америке — такого не может быть: бородатые мужчины в разноцветных русских рубахах с вышивкой по вороту и манжетам, подпоясанные ткаными поясками, девушки в ярких платках и сарафанах, замужние женщины в шашмурах — особых головных уборах, подчеркивающих их социальный статус. Все наделенные той красотой, какая достигается только при наличии спокойного сердца, проявляется на лице только при наличии внутренней свободы. К тебе подходят без всякой боязни, здороваются, выяснив, кто ты такой и зачем прибыл, зовут в дом, расспрашивают о России. Нас тянет друг к другу обоюдно, улыбки сближают моментально, родной язык спаивает накрепко возникшую приязнь.

— Странные вы какие, говорите, как мы, а одеётесь не как мы, — замечает мне девица Евлампея.

Мы вместе начинаем смеяться. Странно. И правда странно, но весело, аж дух захватывает.

А имена: Дионисий, Гермоген, Дий, Евгений, Ирина, Марфа, Авраамий, братья Дементий и Клементий, Герман, Феврус, Сара, Фауст, Агафагел — ухо жадно, с радостным изумлением ловит эти забытые имена, древние, но живущие здесь и сейчас. Я глубоко убежден: любой, кто увидит латиноамериканского старовера, влюбится в него в мгновение ока. Они — наша утопическая мечта о потерянном рае, о безвозвратно ушедшем времени. Лишь потом, когда погрузишься в их повседневную жизнь, точнее поверхностную часть ее (староверы ревниво оберегают свои устои и своими личными проблемами не делятся с чужаками), все становится на свои места. Люди как люди, со своими счетами, претензиями, обидами, а все же другие, сохранившие что-то важное, растерянное нами в городской цивилизации, крестьяне, живущие на земле, от нее питающиеся, любящие ее и понимающие так, как нам, может быть, никогда не будет дано. Они — весомая часть позапрошлого века, но живая, несгибаемая, перенесшая адские муки и страдания, кочевавшая, кочевавшая и еще раз кочевавшая, дабы сохранить то, ради чего и живут, — веру, устои, свои святыни.

Люди все разные, кто-то живет богато, огромной семьей в двенадцать-пятнадцать детей, кто-то скромно, дети отъехали в «Норд Америку», звонят по «селюляру», то есть по мобильному, пишут письма, наезжают гостить. Два поколения, обрабатывающие земли в Латинской Америке, постепенно приумножили маленькие наделы дедов, и некоторые владеют теперь семьюдеся-

тью — сотней гектаров пашни. Роднят и объединяют всех узы родства: за столь долгое время все пережились, покумились, и родство здесь чтут и считают тщательно, до седьмого колена, как постановлено Уставом. Еще роднит, скывает, снимает обиды и разногласия общая моленная — дом Господа, где каждое воскресенье с глубокой ночи до утра ведут службу степенно, проникновенно, как это делали многие поколения их предков.

И все же их тянет в Россию. Некоторых гонит нужда, некоторых — глубинная мечта и вера в то, что настоящее спасение возможно только на родной земле, как поговаривают некоторые старики. А ведь ради спасения души они и живут, трудятся нещадно под жарким солнцем Аргентины и Уругвая, от зари до зари, страдают от гнуса и душного субтропического климата в Боливии и в бразильской сельве.

В девяностые, когда стало возможно приехать и посмотреть на российскую жизнь, самые отчаянные отважились, съездили. Нашли, казалось, навсегда потерянную родню. Никогда о ней не забывали, как и наши, приморские староверы, отсеченные границей от маньчжурских беглецов, помнили, чаяли повидать латиноамериканских родственников.

В июне 2006 года была утверждена «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Где-то наверху подумали: а вот перевезем-ка мы настоящих крестьян назад, поднимем наши пустоши, возродим крестьянство. Вероятно, родилась эта идея в голове чиновника-романтика, кто взглянул на ровные ряды кукурузы и фасоли, зеленые поля сои, арбузные бахчи латиноамериканских староверов. В голове того чиновника, сразу обомлевшего от счастья, ясно пронеслась мысль — вот она, мечта, и именно ему-то дано будет осуществить ее, построить рай на земле и заодно выгодно отличиться перед вышестоящими. Всего-то дел — перевезем, дадим подъемные, и начнется наше расчудное возрождение, и пустующие земли заселим, и пример спившимся местным мужикам подадим, выступим эдакими новыми Столыпинными. Красивая, утопическая мечта. Сказано — сделано, программу запустили.

Понятно, что и староверы, услышав, что их настойчиво зовут на родину, причем зовут уважительно, и не кто-нибудь, а первые лица государства, обещают дармовые богатые земли, думали-думали, да и отважились. По исконной традиции мужики-староверы уважают и побаиваются генералов и высоких начальников. Земля — главное богатство крестьянина, они поверили, потому как очень хотели верить. Первые, самые бесстрашные, продали все, что имели, и бросились в бездонную Россию, получили российские паспорта...

* * *

...И тут начинается новая страница. Печальная. Родина оказалась не готова. Чиновники на местах косны, и трусливы, и обманчивы (чего стоит только один рассказ в книге Данилы Терентьевича о красноярской Пасхе). Помогаю-

щие (а таковых сыскалось немало) бессильны, ибо в них разглядели не благодетелей, а скрытых лазутчиков, позарившихся на «легкие деньги». Столкновение людей, воспитанных на примерах реального латиноамериканского капитализма и российской действительности, родило недееспособного уroda. Вина лежит на обеих сторонах. Староверы хотели много земли и душевного спокойствия — дайте нам и не трогайте. Так они привыкли жить в демократической Аргентине, в Уругвае, в Бразилии, где все веры, секты, религии сосуществуют друг рядом с другом, владеют землей и платят одни и те же налоги. Позвольте воспитывать своих детей, как мы привыкли, просили староверы, им это обещали, но очень скоро выяснилось, что детей надо бы определить в общую школу. На бумаге все выглядело гладко — действительность оказалась иной, жесткой и холодной. Любви, зародившейся от встречи, от взгляда глаза в глаза, не произошло. Скажу сразу: о многом подобном в книге Данилы Терентьевича не написано — он делится своим опытом, личным, он же не участвовал в программе переселения, он кинулся в российский омут самолично, и в этом был резон, он не принял гражданства, а потому смог уехать, вырваться из кабалы, в которую чуть было не попал.

На мой взгляд, программа провалилась. Люди здесь оказались не готовы. Люди из Латинской Америки — тоже. Нет бы спокойно и взвешенно подготовиться, выделить староверам профессионально обученных социологов и экономистов, эдаких кураторов-нянек, людей, понимающих, с кем и ради чего имеют дело. Но в здравницах и прекрасных мечтаниях потонуло дело, о живых людях забыли. В результате семью Мурачевых, например, переехавших на Дальний Восток из Боливии, поселили поначалу на границе с Китаем в Уссурийском районе, в Корфовке, в пустующие квартиры хрущевской еще пятиэтажки, — это людей-то, привыкших жить в своих домах, буквально на земле! Земли в Дерсу выделили, но не те, что нужны земледельцам, — клоки, а не сплошная пашня, клоки, годные только под огород, плюс, правда, выделили землю под покосы, а им, готовым поднять целину, мечтавшим о бесконечных километрах полей, — того, о чем мечталось, за чем и ехали, не досталось. Вот и возникла вновь, возродилась почти умершая деревня Дерсу в Приморском крае, в ней около восьмидесяти староверов, поселившихся в брошенных домах, часть из которых была в таком состоянии, что пришлось затягивать прохудившуюся крышу пленкой, и это при тамошних морозах! Они живут себе, «дёржутся» в вере, молятся, рожают детей, обрабатывают «огородины», снимая богатый урожай, но обещанных пашен нет, как будто о них и разговора не было. Значит, нет и денег, вырученных от продажи урожая, нет и комбайнов, и тракторов, а без денег движение дальше — лишь мечта, точнее — привычная российская безнадега.

Повесть Данилы Терентьевича Зайцева рассказывает о первой попытке переселения. Причем, снова подчеркну, не надо путать: Зайцевы приехали не по программе, а на свой страх и риск. Не обошлось и без хитрости — если семья тестя взяла российские паспорта, отказавшись от латиноамериканских, то Зайцевы скрытно оставили аргентинские документы, а российское подданства сразу не взяли: а вдруг... Это и помогло им вырваться назад,

когда, казалось, уже никакого выхода из создавшейся ситуации нет и быть не может. Данила Терентьевич красочно описывает все их мытарства на древней родине, с горечью объясняя, оправдывая свое решение вернуться назад. Но нашлись уже голоса, что и обвиняют Данилу Терентьевича, и путают события, порой сознательно, ибо знают, «чье мясо съели». Зайцевы приехали, были поначалу обласканы всеми, получили помощь, и немалую, и... все разлетелось, не срослось...

Опыт оказался печальным и, главное, закрыл на долгие годы ворота тем, кто приглядывался, прислушивался, мечтал и раздумывал спастись на родине, как завещали им их старики. Кругосветная одиссея староверов продолжается. Остается только верить и надеяться, что те, кто начал новую жизнь, приживутся и, дай-то Бог, освоят-таки пустоши и просторы Приморья, благо земли у нас, как нигде в мире, много. И земля богата и обильна, что с радостью и гордостью отмечают сами переселенцы. Хочется верить, но нет, не стану тешить себя мечтой. В своей книге Данила Терентьевич вынес вердикт: в России отличное образование, к нему бы прибавить еще «божество и приват»!

Божество божеством, тут с искушенным спорщиком-старовером не поспоришь, да и не надо. А вот то, что с «приватом» (то есть с частной собственностью) дела обстоят традиционно, сиречь — печально, спорить не приходится.

Воистину и ныне «земля у нас богата, порядка в ней лишь нет», как писал Алексей Константинович Толстой.

* * *

Гонимые властями русские староверы постоянно «кочевали», они и теперь легки на подъем — семья Зайцевых тому пример. Не прижившись в России, он вернулся назад в Аргентину. Мечтал получить землю и строить свою Новую Надежду. Круг замкнулся? Одиссея закончена?

Пятьдесят четыре года жизни. «Одиннадцать детей, пятнадцать внучат», как напишет он о себе в одном официальном документе — не без кокетства, но и с гордостью, напоказ выставляя свое истинное и пока единственное богатство. Пятьдесят одно кочевье. И твердое понимание, что нужно сделать, чтобы сохранить привычный с детства уклад, родной язык и, главное, завещанную отцами веру, чтобы все это богатство не растворилось, не потерялось, не сгнило в других землях, на другом континенте.

Сколько раз он корчевал лес? Вырубал и жег кустарники? Ровнял бугристую землю? Сажал и собирал урожай? Столько, сколько было надо. «Работали тяжело» — постоянный рефрен этой удивительной повести.

Тяжелый труд сродни молитве — долгой и вдохновенной, как научили. Неспешной. Глубокой. Но почему-то всю жизнь зацепиться за свою землю, осесть крепко не случалось. И шли дальше. И ссорились с женой, не уживались с соседями, прощали обманы, уходили. Как уходили их предки.

И всегда теплилась мечта — заводить поутру свой трактор и отправляться на свою пашню...

Староверы Латинской Америки, как и любые переселенцы, начинали с нуля. Это сегодня в бразильских и уругвайских деревнях стоят на дворах огромные зеленые комбайны «Джон Дир» ценой с хороший «кадиллак» или «порше». Третье поколение староверов обрабатывает уже по сотне, и зачастую не одной, гектаров земли. И в разговорах вспоминают первый простенький трактор — вспоминают как счастье, начинали-то на лошадях. Богатство у староверов приветствуется. «Будь богат, но будь милостив!» Вторая половина формулы куда как важнее. Они работают весь световой день, без дневного пересыпа в самую жару — сиесты, как тут принято, и копят: иначе не выжить группе людей, крепко держащихся за религиозные устои — главное, ради чего и стоит жить. Все знают: на земле они — странники, трудятся ради той, иной жизни. Но живут этой, обычной.

«Повесть и житие» — книга не обычная. Она стара, как христианский мир, потому как опирается на древнюю, средневековую литературную традицию. Она на удивление горяча: традиция оказалась живой, и это ли не чудо?

Рассказ начнется с перечисления предков — с того, что свято для всякого старовера: без знания многочисленной родни не женить сына, не выдать замуж дочь, родство до семи колен — барьер, сохраняющий кровь в чистоте. Родословная — та же история, одно тянет другое — и вот восстают из небытия образы мучеников, страдавших за веру совсем недавно, в окаянном двадцатом веке. И здесь рассказчик следует канону подобных писаний: свидетельство — закон для христианина. «Повесть и житие» — емкое, точное название и одновременно определение жанра, отсыл к первоисточникам. Книга вскоре вырвет на сегодняшнюю тропу, чтобы в постоянных отступлениях возвращаться назад. Время едино для древлеправославных христиан — нового народа, каким они осознают себя по сравнению с ветхими иудеями. Муки первых византийских и малоазийских страдальцев за веру, о которых читают в Прологах по воскресеньям, они воспринимают так же остро и свежо, как незабвенные муки пострадавших от рук большевиков дедов и прадедов. Эти временные сдвиги, сбивки обогащают дыхание прозы Даниила Терентьевича, создают особый узор, который сродни староверческой вышивке, вобравшей в себя умения всех времен и стран, что пришлось им пройти на своем пути.

Всякий, кто окупнется в покаянный рассказ Даниила Терентьевича, не сможет не почувствовать силу его слова, слога. Порой кажется, что тяготы, выпавшие Даниле Зайцеву, не под силу человеку. Но в книге легко уживаются вещи страшные и веселые, смех и юмор соседствуют с неподдельным страданием и страстями, низкое идет об руку с высоким, а Божественное спутешествует с богохульством. Голос рассказчика прям, он тянет, как локомотив, и этот разговорный ритм не оставляет, и поражает, и заражает особой силой и красотой нелитературной, диалектной русской речи, узаконенной на страницах повести силой писательского дара. Как ни наивны кажутся порой слова, как ни смешат ошибки правописания в рукописи, за которые в школе поставили бы жирную двойку, — за этой простотой предельная, покаянная честность и традиция назидательно писать о прожитом, сверяясь с собственным музыкальным слухом. Ведь

этот рассказ создан не только для нас, но и непосредственно для одиннадцати детей и семнадцати внуков.

* * *

Мне очень хотелось бы поставить здесь точку, вернуться в Аргентину через два-три года, посмотреть на строительство Нуэвы Эсперансы, но, видно, не судьба. Что-то не срослось и тут: проект, столь красиво задуманный, казалось, был совсем близок к осуществлению, но неожиданно развалился как карточный домик. Данила Терентьевич Зайцев совершил пятьдесят второй переезд, откочевал в соседнюю Боливию, где открыл... пекарню.

— Боливицам наш хлеб очень нравится. Тут все дешево, можно легко подняться! — весело сообщил он мне по телефону. Затем добавил мрачно: — А в Аргентине, не спрашивай, не пошло.

Я не стал расспрашивать подробно: какой смысл мучить человека? Что будет там, как все сложится на новой дороге, останется за страницами книги.

И вот — последняя новость: Данила Терентьевич с семьей снова перекочевал, назад в Аргентину... Жизнь от жития отличается, сильно отличается.

Петр Алешковский

Автор, его книга и принципы ее публикации

Биография автора этой книги необычна, как необычна история ее написания и выхода в свет. Данила Терентьевич Зайцев — старообрядец часовенного согласия из Аргентины, потомок нижегородских старообрядцев-«кержаков». Он родился в 1959 году в Западном Китае, в провинции Синьцзян, в семье старообрядцев-часовенных, вырос в Аргентине, куда семья перебралась в 1961 году в ходе массового переселения старообрядцев из Китая в Южную Америку. Ему довелось жить в Уругвае, Бразилии, Боливии, Чили, США, России. Его родной язык — русский диалектный, образование — четыре года аргентинской школы. Данила свободно говорит по-испански и по-португальски, от крестной матери научился читать и писать по-русски, под руководством стариков и тестя освоил церковнославянскую грамоту. Он женат на Марфе Федоровне Килиной, старообрядке часовенного согласия, имеет одиннадцать детей и семнадцать внуков, в настоящее время вместе с семьей живет в Аргентине. «Повесть и житие» — его первая книга. Толчком к ее написанию послужила драматичная история переселения Д. Т. Зайцева с семьей в Россию весной 2008 года и возвращения в Южную Америку осенью 2010-го. Во время первого, «оптимистичного» этапа переселения старообрядцев о них много писала российская пресса. О втором, «пессимистичном» этапе, о решении возвратиться в Южную Америку и работе над книгой Данила рассказал сам на радиостанции «Эхо Москвы» в передаче «Своими глазами», когда зимой 2012 года приезжал в Москву.

Я познакомилась с Даниилой Зайцевым в ноябре 2006 г. в Уругвае, во время своей первой экспедиции к старообрядцам Южной Америки. Отработав в Аргентине и завязав там, в Патагонии, первые контакты с живущими на своих чакрах в окрестностях городков Чоэле-Чоэль, Луис-Бельтран и Ламарке старообрядцами, мы вместе с Ханнесом Яэром — моим напарником из Тартуского университета, водителем и фотографом — отправились в Уругвай, в деревню с библейским названием Офир, предупрежденные, что там «закон строже дёржут». И действительно, наставник Иван Данилович Берестов с нами «обшелся по-холодному», как потом напишет в книге Данила. Мы дважды приезжали в деревню, и оба раза на мои профессионально поставленные вопросы (так казалось мне, диалектологу с приличным уже опытом работы в старообрядческой среде), на просьбы рассказать об истории общины и жизни старообрядцев в Уругвае, на рассказы об экспедициях ученых к старообрядцам в России и других странах наставник отвечал вежливо и коротко: «А мы не хотим». О том же, чтобы попросить разрешения включить диктофон или сфотографировать, нельзя было и помыслить... Во второй день Ханнес, отлучившийся к машине за привезенными в подарок книгами, вернулся к дому Берестовых с известием, что встретил на улице «какого-то старообрядца», который живет не в этой деревне, а отдельно от всех, и тот приглашает нас завтра в гости. Я подошла: это был Данила Зайцев. На следующее утро мы отправились в путь, не без приключений отыскивали на берегу реки Уруг-

вай место под названием Эспинижяр, где в пустующих домах для рабочих уже не работающей тростниковой фабрики обосновался Данила с семьей, но его не застали (как оказалось, в дороге у него сломалась машина) — и провели весь день за разговорами с его женой Марфой.

Вторая встреча произошла через полтора года в Москве: зная о президентской программе переселения соотечественников в Россию, в апреле 2008-го Данила вместе с 15-летним сыном Софонием приехал «на разведку» и «стоял» в поморском храме в Токмаковом переулке, где я их и разыскала. И впоследствии, во время пребывания Зайцевых в России, мы еще несколько раз встречались с Данилой во время его коротких приездов в Москву. На встречи я брала диктофон и записывала рассказы о том, как обстоят дела с переселением, поражаясь его колоритной диалектной речи, таланту рассказчика и перипетиям жизни в России. Летом 2009 года он сообщил, что они с семьей приняли решение возвращаться из глухой красноярской тайги обратно в Аргентину: «Жалко уезжать с матушки-родины, но с нашего рая, Олечья, ничего не будет». Помню, добавил: столько узнал, понял и пережил в России, что «прямо хоть книгу пиши», а я, особо не задумываясь, поддержала: «А ты напиши!» И он написал...

Так мимолетное знакомство превратилось в многолетнюю дружбу, и наступило время «Повести и жития».

* * *

Книга написана удивительно быстро для текста такого объема. На первой странице рукописи стоит дата «18-11-09»; первые четыре тетради Данила отправил мне по почте из Уругвая в апреле 2010-го, пятую и шестую привез в июле 2010 года, когда приехал в Россию, чтобы вывезти семью из тайги и отправить обратно в Южную Америку. Затем в работе над книгой наступил перерыв: Зайцевы осели в Аргентине, и нужно было налаживать жизнь на новом месте. В ноябре 2011 года состоялась очередная экспедиция под моим руководством в Уругвай, Аргентину и Бразилию, и мы с писателем Петром Алешковским, вошедшим в состав ее участников, навестили Данилу в Неукене. Писатели познакомились, понравились друг другу, и Петр убедил Данилу продолжать работу над книгой. Однако последнюю, седьмую тетрадь пришлось ждать около полугода: только в мае 2012-го Данила передал с оказией последнюю часть рукописи, и мы с П. Алешковским ездили ночью в аэропорт Домодедово встречать двух незнакомых православных священников, которые согласились выстучать «почтальонами».

Слово «житие» в названии книги не должно вводить в заблуждение. Это не «житие» в традиционном для литературоведения понимании одного из жанров христианской литературы, это долгое повествование о жизни — произведение светское, но написанное человеком с религиозным сознанием, которое определяет многие изложенные в книге сюжеты, отношение к событиям, людям, самому себе. Конечно, в выборе названия для своего труда, которое безусловно содержит аллюзию на известный жанр христианской литературы, ска-

зывается знакомство современного старообрядца не только с религиозными, но и светскими сочинениями.

В книге рассказано о многих старообрядческих родах, о переселении из России в Китай и потом в Южную Америку, о трудных первых годах жизни в Аргентине, о сложных межличностных отношениях в общинах, имеющих первопричиной внутриконтрастные различия между «синьцзянцами» и «харбинцами», об их обычаях, повседневных заботах, семейных отношениях, нравах — и, конечно, представлены разнообразные человеческие характеры. В «Повести и житии» воссоздается современный мир старообрядцев Южной Америки, который, как и любой другой «мир людей», отнюдь не идеален, живет противоречиями, конфликтами и страстями, в нем есть и подлецы, и мученики, и святые. В центре повествования — жизнь самого автора и его семьи, с подробным рассказом о приезде в Россию в апреле 2008 года, жизни сначала в Белгородской области, потом в Саяно-Шушенском заповеднике (Красноярский край) и возвращении в Аргентину в сентябре — октябре 2010 года. Рассказывая о себе, Данила Зайцев не скрывает своих срывов и падений. Пафос и покаянные слова, звучащие со страниц, идут из горячих глубин души автора. По сути дела, эта огромная работа и была проделана им для того, чтобы очиститься от кривды, разобраться в тех порой невероятных обстоятельствах, в которых ему суждено было побывать. Бесстрашно и страстно он ищет правду, а если кого и осуждает, то с полным пониманием того, что делает это ради единственной высшей правды — Правды Христовой, которую и должен искать всю жизнь православный человек.

«Повесть и житие» относится к литературе нон-фикшн, к «невывмышленной прозе». В кругу опубликованных произведений, написанных «простыми людьми», книга Д. Т. Зайцева занимает особое место. Она значительно превосходит их объемом (35 авторских листов), эпическим охватом событий, количеством действующих лиц и, не побоюсь сказать, масштабом дарования автора. Он — незаурядная личность сам по себе и, одновременно, представитель особого старообрядческого мира с особенной исторической судьбой. Он же — представитель редкого в современном русском социуме типа *расказчика*, наделенного талантом к длительной монологической речи, построенной по законам словесного искусства и обладающей мощным эмоциональным воздействием на слушателя, и он же — талантливый *писатель* (единственный, которого на сегодняшний день дала старообрядческая среда Северной и Южной Америки). Наконец, книга Даниила Зайцева действительно написана «на исконом языке неисковерканном» — на русском диалектном языке, который избежал воздействия литературного языка, стирающего диалектные черты, словно ластик-«шоркалка».

В жанровом отношении «Повесть и житие» является сложным сплавом многих светских и христианских жанров древнерусской литературы. В ней есть черты летописи, бытовой и сатирической повести, хождения, плутовского романа, жития, проповеди, поучения, исповеди; в текст включены духовный стих об Алексее, человеке Божьем, сказки, исторические анекдоты и многое другое.

* * *

Рукопись книги представляет собой семь общих тетрадей в линейку форматом А4 со сплошной нумерацией страниц (всего их 805); она не завершена по вполне естественной причине: в последней тетради кончились страницы. Текст написан русской гражданской азбукой, печатными буквами в сочетании со скорописными, без разграничения прописных и строчных; основной пунктуационный знак — запятая. Деления на какие-либо сюжетно-смысловые части (абзацы, главки, главы) рукопись не имеет. С точки зрения школьного учителя весь текст — сплошная орфографическая ошибка: он написан с помощью фонетического письма (начальная страница рукописи воспроизведена дизайнером Сергеем Андриевичем на обложке). Автор пишет, как говорит, более того — когда пишет, то, по свидетельству П. Алешковского, проговаривает слова вслух. Тем не менее оказалось, что фонетическое письмо Даниила Зайцева имеет интуитивно разработанную им графическую и орфографическую систему. Текст отражает многие черты архаичного говора старообрядцев Южной Америки, как лингвистический источник рукопись сопоставима по ценности с памятниками древнерусской и старорусской письменности, в том числе с новгородскими грамотами. Однако П. Алешковский убедил меня в необходимости в первую очередь издавать «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева» как литературное произведение, а не как памятник письменности.

Основной принцип, которому я следовала при подготовке рукописи к публикации, — не вмешиваться в текст и не подвергать его литературному редактированию в привычном смысле. Я сохранила построение фраз так, как оно есть у автора. Иногда они покажутся корявыми, однако эти синтаксические «корявости» открывают нам, как у человека устной культуры происходит процесс перехода мысли из устной формы в письменную, и тем особенно интересны. Текст «Повести и жития» переведен в литературную орфографию, с передачей наиболее ярких фонетических черт в родном диалекте автора и сохранением в некоторых случаях авторских написаний. Он оформлен по современным пунктуационным правилам; имеющиеся сокращения по возможности раскрыты. Сплошной текст рукописи разбит на отдельные предложения, диалогические единства, абзацы, пронумерованные главки. Следуя за рукописью, мы с П. Алешковским решили сохранить за самой крупной структурной единицей текста — главой — название «Тетрадь», допуская некоторую подвижность границ между семью тетрадями-главами по сравнению с оригиналом, если того требовало завершение сюжета. Текст снабжен постраничными лингвистическими и фактологическими комментариями. В диалектных словах, некоторых литературных, имеющих в диалектной речи другое ударение, а также в некоторых формах слов поставлены знаки ударения. Книга завершается «Словарем диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и выражений», дающим представление о лексическом богатстве индивидуальной речи автора и его родного диалекта.

Чтобы книга, по выражению автора, «вышла на воздух», мы с Д. Т. Зайцевым проделали большую совместную работу. Я признательна Российскому гумани-

тарному научному фонду и акционерной компании «Транснефть» за финансовую поддержку экспедиций Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в старообрядческие общины Южной Америки в 2011–2013 годах. Во время экспедиций я имела возможность встречаться с автором, мы много часов провели вместе за разъяснением непонятных мне фрагментов текста, диалектных слов и выражений. В 2011 и 2012 годах это было в Аргентине, в гостях у Данилы в Неукене, в ноябре 2013-го — в Боливии, в Санта-Круссе, куда он вместе с женой Марфой специально приехал из Аргентины. В Санта-Круссе фотограф Митя Алешковский и сделал снимок, помещенный на обложке книги.

Я также благодарю моих друзей и коллег из разных городов и стран — из Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Калуги, Орла, Петрозаводска, Омска, Новосибирска, Магнитогорска, Томска, Владивостока, Симферополя, Киева, Одессы, Донецка, Луганска, Санта-Круса, Торуни, Риги, Даугавпилса, Вильнюса, Тарту, Локсы — за поддержку словом и делом в долгой работе над подготовкой к изданию книги Данилы Зайцева.

*Ольга Ровнова
Эстония, Локса,
август 2014 г.*

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДКИ моего отца. Прадед Сергей Зайцев из Томска, прозвища кержаки. Кто и в како́ время выехали из Керженса¹, не знаю. Дед Мануйла Сергеевич родился в Томске в 1898 году, в 1906 году переехали в Горный Алтай, а в 1918 году переехали в деревню Надон.

Предки моего отца с материнной стороны. Прадед Агап Пантелеяев из Алтая, Бухтармы. Баба Федора Агаповна родилась в 1903 году, в 1919 году переехали в деревню Надон, и в тем же году вышла замуж за деда Мануйла. В 1921 году родилась Елена, 10 апреля 1922 года родился тятя Терентий Мануйлович. Баба Федора родила шестнадцать детей, но в живых остались семеро: Елена, Терентий, Капитолина, Григорий, Харитинья, Александра и Прокопий.

Семья Зайцевы были умеренно религиозны. Весёлы, голосисты, музыканты, в доме водилась гармонь, балалайка. Вели жизнь спокойну, жили в достатках, имели скота, сеяли зерно, были хоро́ши рыбаки и охотники, жили умирённо, не захватывали и не завидовали, к религии относились благожелательно, но не аскетами, хотя деда Мануйла брат Егор был наставником. Жили очень дружно и весело, в деревне имели дружбу со всеми, и за это их любили, часто их дом был забит гостями, играла гармонь и балалайка, и пели песни.

Предки моей матери. Прадед Корнилий Захарьев, по прозвищу кержаки. В како́ время выехали из Керженса — неизвестно, как попали в Алтай — не знам. Мой деда Мартивьян Корнилович родился в 1902 году в деревне Чинкур.

Предки моей материнной стороны. Прапрадеда Иларивон Шутов с Урала, потом стали называть Шутовскя заимка, а впоследствии переименовали в Шутовские заводы. Был очень богат и очень религиозной, соблюдал все заповеди Господни, был добр и милостив. Но смерть его стра́шна и чу́дна. Когда пришли красны к власти, раскулачили и нашего прапрадеда. Ка́знили как могли, вырезали ремни, жгли, били, топили, издевались, томили в тюрьме. Бог знат что только ни делали, и в консы́ консáх² повели их на расстрел. Поставили их к стене, дали команду «огонь». После выстрела все пали, а наш прапрадеда Иларивон как стоял, так и стоит. Подошли, в упор ишо выстрелили — он всё стоит. Подбежал старшина, хотел сашкой зарубить. Сашка переломилась — он всё стоит. Все обезумели. Он попросил пить. Подали ему напиток, он пивнул трижды, вообразил на себе крестное знамя, ляг и скончался. Это всем было ужасно.

Прадед Савелий Иларивонович скитался со своей семьёй и как-то попал в Алтай, деревню Чинкур. Наша баба Евдокея Савельевна родилась в 1905 году, в Чинкур попала девкой, от 1924 по 1926 год. Попали зимой — голодны, холодны,

¹ Керженец — один из ранних старообрядческих центров в глухих лесах по левому притоку Волги реке Керженец и ее притоку речке Бельбаш (Нижегородская губерния). Массовое переселение старообрядцев-кержаков на Урал и в Сибирь началось в результате разгрома керженского центра в 1710–1729 годах.

² В конце концов.

оборванны, настрадавшись, обратились к прадеду Корнилию Захарьеву за помощью. Захарьевы жили по-богатому. Прадед был очень религиозной аскет, но не милостив, за любую провинку детей избивал до полусмерти. Деда Мартырьян был старший, от все етих побояв получился травмирован, стал полудикой и боялся всего. Даже, когда приходили из моленной, прадед спрашивал, какая сегодня было поучения, у детей поочерёдно. Увы, ежлив подробно не расскажет!

Вот прадед Савелий Иларивонович когда обратился к прадеду Корнилу, тот посмотрел на семью и сказал: «Отдашь Кейкю за Мартьянку — помогу, нет — как хошь». Родители погоревали, потужили. Что делать? Холодно, голодно, дочь жалко, жених пугливый — потужили да и отдали. Баба Евдокея его не любила, но что поделашь: родители просят, да и ситуация заставляет, а пойти против родителей — ето Бога оскорбить.

Сколь прожили и когда женились — не знаю, но мать моя Настасья Мартырьяновна родилась 29 ноября 1933 года.

2

1933 год — начин войны, дунганы с Китаем. У дунганов план был завоевать у китайцев провинцию Синьцзян, особенно Горный Алтай. Стали наступать на город Шарасума, по пути к городу какі деревни попадали китайски, вырезали всех, женчин и детей. Ето грозило и русским. Начальник города, дутун, знал, что китайцам с дунганами не справиться, так как оне невоісты. Обратился к нашим старообрядцам отстоять свой город, так как оне хорошие охотники, только оне могут помогчи. Послал отряд к русским старообрядцам с просьбой подать руку в беде. Наши боялись ввязываться в такие конфликты. Етот отряд китайцев, который шёл к нашим, — в пути их перехватили дунганы и всех перебили. Один раненый кое-как добрался до нас и сообщил, что дунганы за своим следом ничего не оставляют.

— Дутун с просьбой к вам: помогите прогнать дунган. Ежлив оне нас победят, всему населению будет беда и вам, русским, ета же судьба.

Тогда наши задумались и решили послать отряд в сорок человек хороших охотников. В пути сорвали один пост, взяли три пленника и указали: «Проводите нас в город Шарасуму, и мы вас убивать не будем, а нет — тут и положим, а в дороге все равно найдём провожатого». Пленники знали, что ето не пустые слова и разговор идет с честными людьми, повинились и ночами провели в город, наши их не тронули и отпустили.

Дутун с радостью принял наших бородачей, и всему городу была большая радость: знали, что к ним пришли славные охотники, которы их кормили мясом.

Тут наши организовались и пошли в наступление. Дунганы почувствовали силу русских, пошли на отступление. Русски сняли осаду с города и погнались за ними вместе с китайцами, прогнали и вернулись в город. Их встретили с великой радостью. Дутун просил наших остаться в полку, но наши не захотели и уехали домой.

После этого время стало беспокойно. Банды дунганов набегали на деревни и грабили, жгли, казнили и так далее, появлялись советские шпионы и разжигали дунганов. У дунганов было хорошее оружие, откуда оно — конечно, советское, а у наших самодельно, вот и отбивайся как хошь.

3

Однажды советские пригласили наших старообрядцев на охоту, в эту группу попали троя наших — наш дед Мартивьян и ишо два мужика. Ушли и больше никогда не вернулись, и советские также — вот и догадывайся, что с ними случилось. Маме было шесть месяцев, осталась сироткой. Бабе Евдокее пришлось пахать и сеять, но она была сильна и здорова, кротка, богобоязна, добрая, её все любили и всегда называли Савельевной. Как-то раз в праздник на речке шутили и здумали бабу Евдокею сбросить в речку, но не смогли. Было их трое, баба всех сбросала в воду; свёклу одной рукой сжимала. Многи сватали вдовуху, но она ни за кого не выходила.

Так прошло десять лет. Тут появился Демид Шарыпов и давай сватать прилежно — баба Евдокея никак не выходила. Тут посторонние стали сватать: дескать, ты одна, тебе трудно, жених богатой. Но все знали: Демид Шарыпов злой, первая жена ушла в могилу лично от его рук, оставила ему дочь Наталью. Баба Евдокея погоревала да и вышла замуж за него. Это вышло за то, что в его время жила с мамой ни кола ни двора.

Почему так получилось. Было это в 1934 году, маме был год, дунганы начали мстить русским, за то что русски освободили китайцев. И вот набегают дунганы на деревню Чинкур. Баба Евдокея высаживала хлеб в печь, увидела сдалека пыль и догадалась, что это дунганы, схватила коня, маму под мышку и убежать, за ней ишо один дед. А остальных в деревне всех заказнили, больших и маленьких, и всё сожгли. Русские за это обиделись и давай их выслеживать и бить. Обчим, спокойно не жили: хлеб сеяли, а винтовки всегда под боком были.

Баба Евдокея родила Демиду сына Степана и дочь Марью, маме было уже двенадцать лет. Демид Шарыпов правды очутился очень злой. Когда едет с работы, ворота должны быть открыты и на столе пища подана не горяча, не холодна. Не дай бог что не так — всем будет беда. Маме доставалось всех больше, так как она ему была чужая, за это он её ненавидел и издевался как мог, бил как хотел.

У бабе Евдокеи окрómя отца было двоя дядяв и одна тётка — Анатолий и Егор и Парасковья. Дядя Анатолий и тётка Парасковья остались в России, но судьба их неизвестна, а дядя Егор был в Китае. У бабе было два брата — Михаил и Ефим. Отца Савелия и брата Михаила убили на войне, а Ефим служил допоследу.

Как толька затихла с дунганами война, народ стал обживатьсь. Эта тишина стояла всего четыре года. Тут появился вождь Кабий — мусульман, но пошёл на китайцев и собирал войско, хто попадёт. Зашёл и к русским, хотел и русских

забрать, но русски отказали: мол, оружие у нас нету и с китайцами не хотим враждовать. Кабий сказал: «Хорошо, мы у вас возмём двух заложников и поищем оружие. Ежлив найдём, то всех вас перережем». Вот тут-то было переживанья. Но слава Богу, не нашли, спрятано было очень хорошо, тогда заложников отпустили, и кабиевцы пошли на китайцев одне. Китайцы их поджидали город Канас, у них стоял 10-й полк. Как толька кабиевцы подошли, китайцы ударили с миномётов, кабиевцы стали отступать, а китайцы за ними. Эта война продолжалась не больше трех месяцев, и опять стала тишина два года с половиной.

Тут появился новый вождь, Оспан-батур, каргызин¹, и собирал войско — всех, кто попадал под руки. Кто не шёл, того ка́знил, так что и русским пришлось пойти служить Оспану. Опять же политика была советская, советские дали Оспану оружие и дали флаг красный со звездой и полумесяцем. Это было от 1940 года по 1950 год. Советская политика была такая: китайцев с мусульманами сразить, а русских вернуть в Россию, Оспану внушали: «Завоеешь провинцию Синьцзян — будет ваша».

На эту войну попали дядя Ефим Шутов, деда Мануйла Сергеевич Зайцев, хотя оне и были на дунганской войне. Тяте было восемнадцать лет, он тоже попал на службу, прослужил один год и пошёл на войну. Эта война была нечестна, Оспан был не главнокомандующим, а как бандит, грабил, ка́знил, насилывал, сжигал, вёл всяки несправедливости, в полку имел шпионов советских. Это притесняло наших старообрядцев, но некуда было податься.

Советские открыли экспедицию в Китай, и добровольцов принимали хорошо и платили хорошо. Тятю в 1946 году ранили, и он попал в больницу, пролежал в больнице три месяца. За это время оне списывались с отсом, и дед Мануйла внушал тяте: не вёртывайся в отряды, потому что нет справедливости, убили то́го-другого-третьяго. Тогда тятя ушёл на экспедицию и работал у советских, и много русских так же поступили, Оспан из рук советских не мог никого забрать. А в деревнях появились советские консула и стали агитировать, чтобы вернулись на родину, сулили горы: «Ничто вам не будет, нарежут вам земли, и будете жить спокойно, в России свободно». Но мало кто им верил. Слухи были противоположны: в России народ голодовал и жили нищими.

Однажды к Оспану подъезжает с отрядом вышняго рангу чиновник и друг Оспану — Жёлбарс, и стал при всем войске внушать Оспану:

— Друг, брось оружие, это кончится нехорошим. Советские стравляют вас с китайцами и весь Китай объединяют, всех нас ждёт одно уничтожение, и это кончится нехорошим.

Оспан отвечает другу:

— Ха, я здесь хозяин, всё это моё. Никого не допушшу, всех вырежу, но землю не отдам.

Тогда Жёлбарс другу:

¹ Киргиз.

— Но, друг, как хошь, — и громким голосом крикнул: — Кто за мной? — Тишина, и двадцать пять солдат вышли вперёд, все русски. В етим отряде был наш дед Ману́йла. Жёлбарс сказал: — Хорошо, на таким-то месте буду ждть двадцать четыре часа, подумайте хорошёнь.

Тут наши старообрядцы задумались и решили все уйти с Жёлбарсом. Но советский шпион Осип предупредил Оспана не пускать русских солдат к Жёлбарсу: «А то обессилешь». Утром, когда русские были готовы выехать, Оспан приказал всех обезоружить, а хто побежит, того кáзнить. Тогда русские потихоньку стали уходить на экспедицию к советским.

В деревнях получились две партии: красные и белые. У красных была власть, и оне творили что хотели, грабили, били, издевались — над своими же. Мужики были на войне, жёны оне дома, и красны что хотели, то и творили. Много таких было, но лично нам запомнился — фамилия Шарыповы. Сам отец, Василий Васильевич Шарыпов, был спасовского согласия наставником, а сыно́к Яков Васильевич — красный атеист, изъеду́га, кровопивец. Ниже узнаю о етой фамилии. Все ети красны имели советские паспорта.

На одной из деревень жила и баба Евдокея и рассказывала, как красные поступали с местным населением: садили на лёд, вымогали золото, грабили, уводили коров, забирали всё — продукт, посуду, оставляли голых. И слова не скажи — сразу кáзнить. Пошёл голод. Хто посмелея, побежали на юг в Илийский округ за тысяча вёрст, в город Кульджу: там было тихо.

Баба Евдокея жила за Демидом Шарыповым — однофамильсами, но не родственниками с теми Шарыповыми. Были александровского прихода часовенного согласия, жили в достатках, у Демида всё было клеймёно, он был мастер на все руки. У бабе всё расташили: баню, городьбу¹, дословно всё.

У Оспана было два русских офицера: Никифор Студенко и Лаврен РЫ́жков. Лаврен был идивот, трус и так далея, Никифор был герой, любимый солдатами и так далея. Впоследствии Лаврен РЫ́жков очутился в Бразилии и Никифор Студенко очутился в Парагвае. А ето получилось вот так. Всё предвиделось, что с Оспаном всё кончится плохо, ночью собрались триста русских солдат и ушли от Оспана; в етой группе был и Демид Шарыпов.

1949 год. Тятя и все мужики вернулись с экспедиции с документами и взяли за красных — вёртывать всё. Тут и баба Евдокея всё своё вернула, так как у них было всё клеймёно. Тут был большой позор красным изменникам, и советские не вмешивались: знали, что изменники поступал неправильно.

Тятя в 1949 году посватал маму. Маме было семнадцать лет, а тятя двадцать семь лет. Баба не отдавала, говорила: парень разбалованной, семья сла́ба. Тут сватали молодья ребята и религиозны, но маме тятя понравился: красивый, весёлой, сапоги хромовы. Не послушала бабу: пойду да пойду. Но баба со слезами отдала и говорила: «Насты́кя, будешь слёзы лить».

¹ Ограду.

Расскажем малёнька об Ивановых. Фёдор Иванов с России попал до революции, в какие годы — неизвестно. Когда наши бежали с России после революции, то Ивановы уже жили очень богаты. На речке Сандырык копали золото, то Ивановы его скупали. Фёдор Иванов был грамотный и умный, все его любили и все к нему шли на работу охотно, потому что он платил очень хорошо, за хорошую работу всегда переплачивал и был милостив, часто ставил обеды бедным; кто приходил с просьбой, всегда шёл навстречу, никогда не отказывал. Популярность его всегда росла, и выбрали его губернатором. Служил он честно, все его любили. Был у него один сын Сидор Фёдорович, а у Сидора пять сыновей и три дочери. Живут в Бразилии.

1950 год. Комиссия властей — китайцев и советских — приехали проверить, что же войско Оспана, и решили, что это просто банда, и решили заплатить хорошу цену, кто выдаст Оспана. Тут нашлись свои же каргызы и, связанного, отдали его китайцам, а остальным власти китайски объявили сдаться. Русски сразу сдались, их посадили, на слабым режиме — кого как, по-разному.

Про деда Мануйла никаких новостей, но знали, что он ушёл с Жёлбарсом. Но это был очень умный человек. Он прождал двадцать четыре часа; так как нихто к нему больше не пришёл, он отправился со своим отрядом мирным путём, никого не обижал, с нём шёл американский консул. Оне через Монголию и Тибет попали в Индию, там оружие сдали, им дали свободу. Наши русски, двадцать пять человек, через американская консульство попали в Америку, в Нью-Йорк. А те триста человек, в которым дед Демид Шарыпов, отступали, шли пакостили, громили, местное население обижали. Их окружили, всех пословили, кого казнили, кого расстреляли, так что баба Евдокея опять осталась вдовой.

Тут появился советский какой-то Лескин. Но это политика уже была — русски вернуть в Россию, а китайцев усилить во всем регионе. У каргызов на флагу убрали полумесяц, и стал китайский красный флаг со звездой. Русских старообрядцев стали притеснять, чтобы вернулись на родину. Кто сумел заполнить анкеты — запрос в ООН, тот сумел спастись, а хто не сделал запрос, те все вернулись — но не на родину, а на целину: в Киргизстан и Казахстан. На границе их обобрали и оставили без ничего. Вот тебе и земли и свобода!

У тяти с мамой в 1951 году родился сын Симеон, прожил шесть месяцев и помер, в 1953 году родилась дочь Евдокея, в 1955 году родился сын Степан. В 1956 году переехали в Илийский округ, город Кульджа, деревня Кинса, тут в 1957 году родился сын Григорий, в 1959 году родился сын Данила, в 1961 году родилась дочь Степанида.

Тятя принадлежал собору слабому, звали его общиной старообрядцев. Употребляли всё с базару, обряд тоже не соблюдался, одевались по-городски, за музыку ничто не говорили, имели балалайки, гармони, пели песни, танцевали и так далея. Тятя на службе и на экспедиции нахвтался вредных привычек: пить напитки, курить, ходить по девкам, материться. Но жениться не хотел на развратнице, искал порядошну и религиозну девушку. А мама как раз была такая: выра-

шена в строгим религиозным режиме, с базару ничего не брали, обряд строго соблюдался, и музыки были под запретом. У тяти с мамой сразу же после свадьбе пошло коса на камень: с одной стороны всё можно, с другой — всё грех и нельзя.

А тут пришёл со службы дядя Ефим Савельич Шутов, бабин брат. Всю свою жизнь провоявал и нахватался всего нехорошего — обчим, вернулся полным развратником, и схлестнулись оне с тяттей, и стали жить на все четыре стороны. Баба брата ругала, мама с тяттей схватывалась, тятина мать не ввязывалась, так как сами жили по-слабому, дед в Америке, семья большая, и было не до них. Тятя с дядяй Ефимом занимались охотой, были хороши охотники, били маралов во время пантов и сдавали китайцам, оне хорошо платили, а так ходили на козулю¹ и на свиньей и сдавали мясом.

Когда тятино рódство собралось в Россию, тятя тоже засобирался. Мама категорически отказалась: «Хошь — езжай, но я не поеду и детей не дам».

Баба Евдокея в третяй раз выходит взамуж — за Тимофея Корниловича Пяткова, вдовца, семеро детей, но очень добрый, порядошный и религиозный. Баба Евдокея до самой кончины хвалилась етим мужем, да и маме досталось много добра от него.

Дядя Ефим Шутов женился не знаю когда, но взял вдову, Марью Епифановну Ефимову, с двумя дочеряями. Но почему-то ети дочери оказались в России, а оне родили шесть дочерей и одного сына. Сын помер, а остались у них дочки: Вера, Фрося, Марьяна, Паруня, Пана и Глива. Ниже опишем о судьбе етих девок.

Всё мамино рódство собралось в Илинский округ, и тятя некуда было деваться, пришлось ехать с семьёй, а тятино рódство уехали в Россию.

В Илинским округе старообрядцев было много. Климат мягкий, природа красива, земля плодородна, и войны не видали. Все жалели и говорили: «Где были раньше? Снег гребли, да и посевы делали на косогорах, а здесь какая благодать: паши да и сей сколь хошь».

Старообрядцы в 1950-х годах засобирались в южные страны. Говорили, что там калачи висят на кустах, не надо сеять хлеб, а жизнь как в сказках, всё доступно. Через ООН заполнили анкеты на переселение, но ето длилось долго. За ето начиншики-главари сяли в тюрьму, за то что агитировают переселиться в демократические страны. Через долгое время ввязывается в ето дело Международный Красный Крест и стал решать судьбу старообрядцев. И вот по разрешению Красного Креста старообрядцы поехали в Гонконг. Но всё ето было медленно, всё рассматривалось: каки семьи, сколь детей, бездетны, старики, рассматривали болезни, и каки страны принимают. Но стран оказалось мало принимающих, ето были Австралия, Нова Зеландия, Бразилия, Аргентина, Парагвай, Чили.

Тятя всё тянул, обижался на маму, за то что не поехала в Россию. А люди всё ехали. В 1960 году решил заполнить анкеты и указал, что родитель находится в Нью-Йорке, США. Все ждали годами, а тятя через два месяца получил разрешение, потому что родитель в США.

¹ На дикую козу.

В 1961 году выезжаем в Гонконг. Дорогой рождается сестра Степанида, мне было уже два года. Приезжаем в Гонконг. Матушки мои, сколь старообрядцев! Все гостиницы забиты. Тут наши родители узнали, что многи из старообрядцев приехали из Маньчжурии, город Харбин. Вот здесь и родилось прозвище «синзянсы» и «харбинсы».

Забыл описать. В 1958 году в Синьцзяне у старообрядцев забрали всё имущество и погнали в колхоз, но Красный Крест отстоял.

4

Переселение с Приморья в Маньчжурию. Это было с Бикину: Кокшаровка, Каменка¹ и так далее.

Тимофей Иванович Ревтов занимался посевами и охотой, жил богато, очень религиозной, порядошный и требовательной. У него было три сына: Анисим, Федос, Карп — и две дочери: Евдокея и Степанида. Речь идёт о Федосе Тимофеевиче.

Федос родился в 1905 году. Рос порядошным парнишкой, смышлёным, находчивым, весёлым — где Федоска, там всегда весело. Однажды бабушки остановили Федоску и спрашивают у него:

— Федоска, скажи, как спастись?

Федоска быстренько отвечает:

— Не смотрите в окно да не судите.

Рос он красавцем стройным: черноволосой, белолицый, голубоглазый, вежливый, ласковый, девки за нём ухаживали и любили. Когда вырос, стал хорошим охотником и добрым хозяином, а женился он на Главдее Степановной — некрасивой, большеносой, больной. Почему так получилось, неизвестно. И она шпиталась недостойна Федоса Тимофеевича, но за его старалась во всём угождать ему, ходила за нём как за ребёнком, за его он её сполюбил и дорожил всю жизнь. Но Господь не дал им детей, потому что она была больна.

Федос и женатым был ко всем вежливым и добрым, был речист и шутиком. Как-то раз женщины стряпали на свадьбу пельмени, заходит Федос, говорит женщинам:

— Пятьсот пельменяв я один съем.

Женчины в спор, сделали залог, наварили пельменяв, поставили на стол. Федос помолился, сял за стол, благословился, ознаменовался крестным знаменем, съел один пельмень, вылез из-за стола, помолился, поблагодарил хозяев с хлебом-солью и сказал:

— Да, вы наварили пятьсот пельменяв, но я говорил: я один съем. Так что пришлось остаться голодным.

Все в смех:

— Но Федоска!

¹ Бикин — река в Приморском и Хабаровском краях, правый приток реки Усури. Кокшаровка, Каменка — села в современном Чугуевском районе Приморского края.

После революции советски стали и в Приморье законы утверждать, раскулачивать, в тюрьмы садить. Старообрядцы стали уходить дальше в леса, а кто за границу, в Китай. С советской властью валюту сменили, и у многих деньги пропали. У Тимофея Ивановича Ревтова денег было сэлый мешок, он их принёс, высыпал и сказал: «Копил, копил и сатану купил». Он был очень скупой, и всё добро здря пропало.

Вот оне пошли дальше в лес, а советская власть за ними. В 1931 году оне решили уйти в Китай, а надёжда вся была на Федоса Тимофеевича, так как Федос Тимофеевич был опытной охотник, все леса знал и границу знал. Бежали своими кланами, избегали предательства. Вот зимой 1931 года Федос Тимофеевич собрал своё рódство — двадцать четыре семьи, двадцать четыре подводы, — и ушли в Китай через реку Иман.

В Китае прятались от фунфузов¹. Это были банды китайски, оне грабили и кáзнили, немало закáзнили и старообрядцев. Перву деревню Федос Тимофеевич основал, назвали её Красный Яр. Но прожили там всего один год и переехали на Удан, там прожили три года. Везде встречались свои старообрядцы, земляки с России.

С России клан Килиных, с Урала пермяки. Александр Килин был богатый, религиозной, милостив, добрый, всем помогал, его в окружности все любили. Когда советские пришли, Килиных арестовали и на допрос. Стали спрашивать у местного населения про Килиных, и все в один голос сказали: «Это очень добрые люди, мы от них видели только добро». Тогда советские им сказали: «Идите хоть куда, не оставайтесь здесь, а то будет плохо». И оне своим кланом поехали в Приморье и там видят, что старообрядцы уходят в Китай.

У Александра Килина было три сына: Яков, Савелий и Александр — и брат Яков, проживали оне в Приморье в разных деревнях. И решили послать в разведку в Китай Якова-брата, но он не вернулся. Килины затужили и послали сына Савелия, проводили до реки Усури и отправили на лодке. Он долго плыл и всё смотрел, как мать махала платком, сердце чувствовало, что больше не увидят-ся. Так и получилось: их арестовали.

А Савелий попал на китайску сторону, давай разыскивать дядю Якова. Как-то удалось, нашёл ту деревню. Это была деревня Удан, где жили Ревтовы. Как-то угадал к Тимофею Ивановичу Ревтову в ограду, давай стукаться, выбежала девка, прихрамывает: она напоролa ногу на покосе, поетому была дома. Это была Степанида Тимофеевна, младшая сестра Федоса Тимофеевича. Она вбежала домой и говорит:

— Мама, какой-то дядюшка стукается незнакомый.

Мать вышла и спрашивает:

— Вы хто, кого ищите?

Он отвечает:

— Я Савелий Александрович Килин, ишшу дядю Якова Килина.

Ему отвечают:

¹ От хунхузов.

— Он долго хворал и как месяц помер. — У Савелия слёзы градом: остался один, без рódных. Ему говорят: — Заходи, поди голодный.

Все мужики на пашне. Он зашёл, но какой-то вид у него был жалкий и угрюмый. Вечером вернулись мужики с пашни, узнали, что у них гость, стали спрашивать, погоревали и пригласили его жить вместе.

Парень угодил на все руки, непосидиха, бойкóй. Федос сразу его сплюбил и давай ходить с нём на охоту, вскоре оне сдружились и были неразлучимы. Савелий Александрович за мало время завёл коня, корову и всё, что надо для дому, был хороший поскребок¹. Но втайне любил Степаниду Тимофеевну, и она поглядывала на него с любовью. Савелий решил посватать её, она не отказала, согласилась, тогда он решил идти к родителям сватать невесту. Родители не отказали, а сказали:

— Ежливы вы обои согласны, нам толька остаётся пожелать вам добра.

Оне его сплюбили и выдали за него дочь Степаниду. Федос Тимофеевич был очень рад, что любиму сестру выдали за друга. Федос Тимофеевич из братьяв и сестёр любил брата Карпа и сестру Степаниду, а брата Анисима и сестру Евдокею не любил, потому что они были суровы и конфликтивны, оне были в отца Тимофея, а Федос, Карп и Степанида в мать Татьяну — дóбры и ласковы.

Через три года выехали в Медяны, там прожили пять лет, там родились дочь Липистинья в 1935 году, Василий в 1937 году, Фетинья в 1939 году. Тут оне переехали в Топигу, там прожили пять лет, там родились Фёдор в 1941 году, Арина в 1943 году, Марк в 1945 году.

При Второй мировой войне японсы захватили Маньчжурию и заставили русских старообрядцев служить японсам. Служба подготовительна называлась «васанó», а потом перешли в тиокáй — в военную службу. Многи старообрядцы старались избежать службу, бежали дальше в леса.

Один случай, получилось так. Всех брели², а один старообрядец, Иван Кузьмин, — борода была у него рúса, гúста, красива, и он сказал главнокомандующему: — Бороду грех брить.

Главнокомандующий посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

— Хорошо, посмотрим.

Иван догадался и бороду берёг, промывал, расчёсывал — так его и не обрили.

В 1945 году, когда советские пришли освободить Китай от японсов, Китай освободили, некоторые деревни старообрядчески прошли и мужиков забрали. Думали, что мужиков уведут, а семьи сами придут за ними, но семьи не пришли, а мужиков в России сковали и увезли в лагерь ГУЛАГ и дали им по десять лет каторги. В деревнях которых забрали мужиков: Романовка, Медяны, Селинхе, Колумбэ. А хто служил в тиокáе, некоторых расстреляли. Мужиков, которых забрали в лагерь, попали из Медянов Савелий Килин, Фёдор Черемнов, Сазон Бодунов, и просидели оне до 1954 году девять лет в ГУЛАГе, но с семьями больше не встретились. Толька Килины разыскали отца в 1980 году в Хабаровским

¹ Хороший хозяин.

² Брили.